

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР — великий английский поэт и драматург. Фотохроника ТАСС.

НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА

Сегодня люди всех пяти континентов отмечают четырехсотлетие со дня рождения великого английского драматурга и поэта Вильяма Шекспира, произведения которого вошли в золотой фонд сокровищницы мировой литературы.

Яркий, сверкающий талант реалиста, совершенств драматургического мастерства в соединении с подлинным гуманизмом, непревзойденное умение заставить трепетать сердца зрителей, любить или ненавидеть тех, кто дорог или антипатичен автору, — все это по достоинству оценено людьми различных мировоззрений. Можно с уверенностью сказать: творчество Шекспира прошло величайшую проверку временем. И подтверждение этому то, что со сцены лучших театров мира до сих пор не сходят шедевры, принадлежащие перу английского драматурга. Недаром лучшие актеры и актрисы современных театров словно к экзамену на творческую зрелость готовятся к исполнению ролей Гамлета, Джульетты, Отелло, Дездемоны и короля Лира.

В нашей стране, где люди понимают, любят и ценят искусство подлинное, народное, герои национальных творений Шекспира

останутся вечно живыми. С огромным вниманием советский зритель смотрит шекспировские творения, поставленные на сценах наших театров.

С неизменным волнением я слушаю по радио, смотрю на сцене и на экране телевизора драмы и комедии Шекспира, в частности в Воронежском драматическом театре имени Алексея Кольцова мне довелось увидеть «Ромео и Джульетту», «Много шума из ничего», «Отелло». Слышала я и о постановке нашим театром до Великой Отечественной войны «Гамлета» и в послевоенное время «Двенадцатой ночи». И каждый раз, обращаясь к шекспировским творениям, находил в них что-то новое, очарывающее — могучую жизненную правду. Пусть события далеки от нас по времени, пусть герои несколько по-иному смотрят на любовь, измену, но их честность, верность слову, дружбе неизменно волнуют. Мы, советские люди, верим в истинное благородство героев произведений Шекспира, великого драматурга.

В. ПРЯХИН,
нормировщик
инструментального цеха
воронежского
завода имени Ленина.

БЕССМЕРТИЕ ШЕКСПИРА

Н. ОХЛОПКОВ,
народный артист СССР

В течение веков на сценах театров всего мира идут трагедии и комедии Шекспира. Талантливейшие актеры и режиссеры воссоздают его бессмертные образы. Глубочайшие умы философов изучают и анализируют его творчество. И до сих пор не исчерпаны глубины шекспировского театра и не угасло стремление постигать его безграничное богатство, и никто не сказал еще ни разу: «Вот тут — весь Шекспир, в этой постановке открыта вся бездонная глубина его идей».

Шекспир поистине необъятен. «Каждая его драма есть мир в миниатюре», — сказал о нем Белинский. «Он воспроизвел волшебный, совершенный мир: землю со всеми ее цветами, море со всеми его бурями, свет солнца, луны, звезд; огонь со всеми его ужасами и воздух со всеми его духами, а между ними — людей. Людей со всеми их страстями, людей великодушных и одновременно совершенно живых», — сказал о Шекспире режиссер Макс Рейнгардт.

Я думаю о перекличке между этими высказываниями, принадлежащими людям совершенно различных эпох и взглядов: Шекспир представляется им в образе бесконечного мира. В творениях Шекспира — его современность и будущее. В них — открытие нравственных, общественных, моральных, социальных, философских закономерностей жизни. В них — весь Человек. И еще одно огромное открытие принадлежит Шекспиру — открытие закономерностей драматического образа, ибо он с силой, еще не понятой нами, соединял воедино конкретность человеческих чувств с невероятно широким поэтическим обобщением. Его образы — это и правда, и вымысел. Реальность, почти грубая, — и какой-то вихрь одухотворяющей мысли, фантазии и фантастики.

С необычайной остротой его сознание отражало век.

Страстное искание правды, социальных и политических перемен в стране — вот чем были полны лучшие умы Англии его времени. Вдумайтесь в шекспировские монологи, в его афоризмы, — вы услышите скрытый в них гнев, протест или горький сарказм художника-гражданина, понимающего причины глубочайшего трагизма человеческих судеб, метания людей в мире зла. В мире узаконенного произвола, власти бесчеловечной, безразличной. Хотите понять основные причины того, что породило неразрешимые шекспировские конфликты и коллизии, его типы и образы — прочтите у Маркса о «Рыжей Бессе», о ее правлении и об окружающей ее атмосфере.

Именно в такой атмосфере задыхался Гамлет, повторяя: «Мир — это тюрьма».

Театр Шекспира — это театр общественной трибуны, театр мыслей, чувств и стремлений, близких народу, понятных ему,

Шекспиром. Когда я думаю об этом, мне как будто слышны ритмы «Геронической» Бетховена с ее поразительными крещендо, падениями и неожиданными взлетами музыкальной мысли. Однако воплощение симфоничности шекспировских трагедий, их музыкальности, вне которой не откроешь его мысли, не допускает никакой смазанной, пустой эмоциональности, не терпит приблизительных решений.

Это потребует ювелирной работы над текстом, «сгущения мысли в слове». Надо, как выражался Тальма, «охотиться» за каждым стихом, за каждым полустихием, отыскивая в песе места, которые бы могли особенно глубоко, интересно и мощно раскрыть то, что составляет истинные глубины шекспировских идей. Отсюда тонкие психологические детали и нюансы, которые никак не противоречат искусству монументальных, больших образов.

Помни, мой друг режиссер, когда ты берешь трагедию Шекспира, перед тобой не узкая «семейная драма» и не ходульная риторическая пьеса, а мировая драма, отражающая животрепещущие события дня, превращающая сцену в источник глубочайшей философской и общественной мысли.

Для этого нужно быть дирижером больших мыслей и огненных страстей.

«Искусство не допускает к себе отвлеченных философских, а тем менее рассудочных идей: оно допускает только идеи поэтические, а поэтическая идея — это не силлогизм, не догмат, не правило, это — живая страсть, это пафос...» — писал Белинский.

Драматургия и сцена нуждаются в этом пафосе, чтобы народная жизнь, чтобы деяния людей, их мечты и устремления достигли предельной силы отражения в образах искусства.

Вот почему так дорог, так близок великий английский драматург советскому театру, на знамени которого пламенеет слово: искусство принадлежит народу!

Фасад дома в Стратфорде-он-Эйвон. В этом доме, постройку начала 16-го века, родился Вильям Шекспир 23 апреля 1564 года. Здесь сейчас расположен музей.

И ЖИВЕТ СТОЛЕТЬЯ, УМ НАШ ПОРАЖАЯ

Интерес Кольцова к Шекспиру — один из ярких примеров изумительной жизнечности творчества великого английского поэта-драматурга. Весьма красноречиво в этом отношении восприятие шекспировских произведений еще юным Кольцовым. Вспомнил позднее о своем дружеском общении с руководителем семинарского кружка А. И. Серебрянским, Кольцов писал: «Вместе мы с ним росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили...»

Шекспир восхищал Кольцова даже в посредственных и плохих переводах, и он, по словам Белинского, «с жадностью собирал, читал и перечитывал их».

Глубокое преклонение Кольцова перед Шекспиром подтверждается также многими письмами самого поэта. Следует отметить при этом, что Шекспир вошел в перечень наиболее чтимых Кольцовым писателей. Так, в письме к А. А. Краевскому от 13 марта 1837 года поэт сообщал: «Что читаю?.. Более всего Пушкина, Шекспира...» И позднее, в письме к Белинскому от 28 апреля 1840 года: «Павел Степанович (Мочалов, — В. Т.) говорил, что Кетчер с братиею хотя бы принимаясь за всего Шекспира, переводить; дай-то бог, в ноги поклонюсь за него, только бы поскорей. Хочу написать пока «Пантеон», он не очень дорог, а в нем, я слышал, будто напечатаны: «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Кориолан». Да, может, у Мочалова возьму «Ричарда Третьего».

В жизни Кольцова Шекспир занял место рядом с Пушкиным и Гоголем. Читая и перечитывая произведения Шекспира, Кольцов стремился постигнуть как идейную глубину шекспировских образов, так и присущую творчеству великого драматурга подлинно классическую простоту. Отсюда повы-

шенный интерес поэта к сценическим образам, созданным в произведениях Шекспира выдающимися русскими актерами М. С. Щепкиным и П. С. Мочаловым.

Являясь союзником в их борьбе за реализм, за истинное приближение к идее автора, Кольцов резко выступал против пристратия к внешним эффектам крупнейшего трагика петербургской сцены В. А. Каратыгина. В письме к Белинскому от 14 февраля 1838 года поэт сообщал: «Я был на «Гамлете» в Питере, и вот мое мнение: Каратыгин человек с большим талантом, прекрасно образован, чудесно дерется на рапирах, великан собою; и этот талант, какой он имеет, весь ушел у него в искусство, и где роль легка, там он превосходит, а где нужно чувство, там его у Каратыгина нету, — извините. Например, сцена после театра, монолог «быть или не быть», разговор с матерью, разговор с Офелией: «удались от людей, иди в монастырь», — здесь с Мочаловым и сравнивать нечего. Мочалов превосходит, а Каратыгин весьма посредственный. У Мочалова немного минут, но чудесных; у Каратыгина с начала до конца вся роль проникнута искусством...»

Каждая новая постановка шекспировских пьес была для Кольцова светлым праздником. Поэта особенно радовало, когда в ролях шекспировского репертуара выступали Щепкин и Мочалов. Об этом свидетельствует хотя бы такой отрывок из письма В. П. Боткина к Белинскому: «Слава богу, я душевно рад, что мне удалось уговорить Мочалова дать в свой бенефис Ромео... Кольцов, Красов и я убедили его».

По свидетельству бывшего ученика Воронежской гимназии А. М. Юдина, чтение произведений Шекспира производило на Кольцова сильное впечатление. «Так, однажды, — вспоминает Юдин, — читая при мне некоторые сцены из шекспировской драмы: «Ромео и Джульетта»... особенно прочел он с необыкновенным одушевлением сцену, представляющую свидание Ромео и Джульетты ночью, в саду Капулетти. Окончив чтение, он вскричал: Вот был истинный поэт!»

Произведения великого драматурга являлись для Кольцова образцом художественного совершенства. В своей думе «Шекспир» (позже озаглавленной «Поэт»), развивая тему художника-творца, поэт утверждал:

...И живет столетия,
Ум наш поражая,
Над бездушной смертью
Вечно торжествуя.

Проф. В. ТОНКОВ,
Воронеж